

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

КОНСТАНТИН САНДАЛОВ

Константин Сандалов

Екатерина II

<https://litres.ru/74531862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Корона — это эшафот, с которого нельзя сойти живым.

Её привезли в чужую империю как «товар» — нищую принцессу, обязанную родить наследника и бесследно исчезнуть. Но чтобы не стать жертвой, она стала Властью.

Эта книга безжалостно срывает парадную позолоту с мифа о великой государыне. Перед вами — шокирующая исповедь женщины, выжегшей в себе всё человеческое ради выживания на троне.

Как делить ложе с мужем, хладнокровно готовя его свержение? Как превратить материнство в политическое алиби, а грязное убийство — в удобный медицинский диагноз? Она рассуждала о свободе, но намертво ковала цепи для целого народа. Она бросила свою единственную любовь на алтарь Государства, чтобы в финале пути заплатить за величие абсолютным, парализующим одиночеством.

Она перешагнула через всех, чтобы однажды История перешагнула через неё.

Загляните в пугающую изнанку Золотого века. Узнайте, как навсегда умирает женщина, когда рождается Императрица

Содержание

Часть I. УЧЕНИЦА	4
Глава I. Товар	5
Глава II. Голштинiec	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Екатерина II

Часть I. УЧЕНИЦА

Глава I. Товар

Февраль 1744 года. Дорога Рига — Петербург

Матушка всегда говорила, что у немецкой принцессы есть только два ликвидных актива: безупречная родословная, восходящая к Карлу Великому, и девственное чрево. Первое служит входным билетом, второе — платой за проживание.

Мы тряслись в этой проклятой карете уже третью неделю. Россия за окном не была похожа на гравюру или рождественскую сказку. Она была похожа на бесконечный белый саван, в который нас, кажется, собирались завернуть заживо. Но холод меня не пугал. Куда страшнее был спёртый, тяжёлый воздух внутри экипажа — смесь запаха старой пудры, дорожной пыли и матушкиного страха.

Иоганна-Елизавета, принцесса Гольштейн-Готторпская, моя драгоценная тата, боялась. Я чувствовала этот страх физически, как сквозняк. Она везла меня в Петербург, как купец везет хрупкую фарфоровую вазу по разбитой дороге: с жадностью и паникой. Если ваза разобьётся — сделка сорвётся. Если ваза не понравится покупателю — нас вернут в Штеттин, в нашу нищету, в гарнизонную скуку, где самым ярким событием была смена караула.

— София, выпрями спину! — Её голос хлестнул меня, как розга. — Ты сидишь, как прачка. Неужели ты думаешь, что

Императрица Елизавета Петровна позволит своему племяннику жениться на сутулой девчонке?

Я выпрямилась. Позвоночник отозвался тупой болью, но лицо мое осталось гладким, как озерная вода.

— Простите, тата. Дорога так утомительна.

— Утомительна? — Она фыркнула и поправила муфту, в которой прятала озябшие пальцы. — «Утомительна» — это стирать чулки, моя дорогая. А ехать навстречу короне Российской Империи — это привилегия. Ты должна сиять. Ты должна быть *charmante*. Ты должна запомнить: мы здесь не гости. Мы — родственники. Бедные, но гордые.

Она лгала. Мы не были родственниками. Мы были попрошайками в шелках.

Я посмотрела на неё сквозь полуопущенные ресницы. Матушка была красива той хищной, сухой красотой, которая с годами превращается в маску. Всю дорогу она твердила мне, что делать и что говорить. «Улыбайся Бестужеву, но не верь ему». «Кланяйся попам, русские помешаны на своей варварской вере». «Не говори о Пруссии, здесь ненавидят Фридриха».

Она думала, что учит меня. На самом деле она учила меня презирать её.

В моей дорожной сумке, спрятанной под ворохом платьев, лежала книга. Не Библия, которую матушка заставляла меня читать вслух на постоянных дворах, чтобы умилить слуг. Это были «Анналы» Тацита. История о том, как в Риме сме-

нялись императоры. О яде, кинжалах и улыбках. Я выучила наизусть одну фразу: «Власть, добытая преступлением, может быть удержана только силой».

Интересно, знает ли об этом Елизавета Петровна, которая взошла на престол по головам?

— О чём ты думаешь, Фике? — Матушка подозрительно прищурилась. Она ненавидела, когда я молчала. Моё молчание казалось ей бунтом.

— Я думаю о Великом Князе Петре Фёдоровиче, тапан. Я молюсь, чтобы понравиться ему.

Ложь сорвалась с моих губ так легко, словно я практиковала её всю жизнь. Это и было моим главным талантом. Не музыка, не танцы, не французский язык. А умение говорить людям именно то, что они хотят услышать, сохраняя внутри ледяную тишину.

— Он будет от тебя без ума, — безапелляционно заявила она, доставая зеркальце и проверяя, не потекла ли краска на щеках. — Он ведь тоже немец. Ему здесь одиноко среди этих... медведей. Ты станешь его утешением. Его тенью. Ты будешь управлять им, а я буду управлять тобой. И тогда...

Она осеклась. В её глазах мелькнул тот самый алчный блеск, который пугал меня больше всего. Она видела себя не матерью невесты, а серым кардиналом при русском престоле. Она везла меня как инструмент своей власти.

«Ты ошибаешься, тапан, — подумала я, глядя, как за окном проплывают чёрные скелеты деревьев. — Ты продашь

меня. Ты получишь свои деньги, свои ордена и свои почести. Но управлять мною ты не будешь. Кукла, попавшая во дворец, иногда оживает и откусывает кукловоду пальцы».

Карета качнулась и резко остановилась. Снаружи послышались грубые голоса, ржание лошадей и скрип снега под тяжелыми сапогами.

— Мы приехали? — Голос матери дрогнул, потеряв всю свою командную сталь. — Это Петербург?

Дверца распахнулась. В проем ворвался клуб морозного пара и лицо офицера в меховой шапке. Он был огромен, красен от мороза и пах табаком.

— Её Высочество принцесса София? — гаркнул он на ломаном немецком.

Матушка судорожно схватила меня за руку. Её пальцы впились мне в запястье, причиняя боль. Она искала во мне опоры.

Я мягко, но решительно высвободила руку. Расправила складки платья. Подняла подбородок так, как учил учитель танцев.

— Я здесь, сударь, — сказала я.

И улыбнулась.

В этот момент София Августа Фредерика умерла. В ледяной воздух России шагнула та, кем мне предстояло стать.

Глава II. Голштинец

Февраль 1744 года. Москва, Головинский дворец

Дворец не был похож на дом. Он был похож на огромную, наспех сколоченную декорацию. Золото, бархат, тысячи свечей — всё это кричало о богатстве, но сквозь щели в разошедшихся рамах дул ледяной ветер, от которого пламя свечей металось, как в лихорадке.

Нас поселили в комнатах, где было слишком жарко от печей и слишком холодно от окон. Матушка сразу же начала распоряжаться: требовала парикмахера, портного, кофе, свежих простыней. Она вела себя как завоевательница, вошедшая в побежденный город. Я же чувствовала себя разведчиком во вражеском стане.

Первое, что я сделала — подошла к зеркалу. Из стекла на меня смотрела худая девочка с острым подбородком и слишком бледной кожей.

«Ты должна понравиться ему, — приказала я своему отражению. — Не как женщина. Как союзник».

Дверь распахнулась без стука.

В комнату вошел мальчик.

Я знала, что ему шестнадцать, как и мне, но выглядел он на двенадцать. Узкие плечи, впалая грудь, лицо бледное, почти прозрачное, с крупными, водянистыми глазами. На нём был мундир, который сидел мешковато, словно был сшит на

вырост. Но больше всего меня поразил запах. От Наследника Российского престола пахло не французскими духами, а псиной и прокисшим вином.

Это был Петр Ульрих Гольштейн-Готторпский. Мой троюродный брат. Мой жених. Моя судьба.

Я присела в глубоком реверансе, опутив глаза, как и подобает скромной невесте.

— Ваше Императорское Высочество...

— Оставь, — его голос был резким, ломающимся. Он говорил по-немецки, с тем самым родным голштинским акцентом, который я слышала в детстве. — Встань, кузина. Здесь нет шпионов. Пока нет.

Он подошел ко мне почти вплотную. В его глазах не было ни восхищения, ни интереса мужчины к женщине. В них была жадная надежда утопающего, увидевшего знакомую щепку.

— Ты ведь из Штеттина? — спросил он быстро, нервно теребя пуговицу на мундире. — Скажи, как там? Липы на площади уже спилили? А старый аптекарь Мюллер еще жив?

— Липы стоят, Ваше Высочество. Аптекарь жив.

Он выдохнул, и его лицо на мгновение обмякло, потеряв выражение капризного высокомерия.

— Слава Богу. Хоть где-то всё по-прежнему.

Он отошел к окну, повернулся спиной к комнате и, глядя на заснеженный двор, вдруг сказал с такой яростной ненавистью, что я вздрогнула:

— Я ненавижу эту страну, София.

Я замерла. Матушка в углу комнаты уронила гребень. Сказать такое вслух — это государственная измена.

— Здесь всё чужое, — продолжал он, не оборачиваясь. — Люди — варвары. Язык — собачий лай. Еда — кислая дрянь. Тетка Елизавета... — он понизил голос, — она чудовище. Она таскает меня за волосы, когда я делаю ошибки в русском. А я делаю их специально. Чтобы она поняла: я не русский. Я немец. Я хочу домой, в Киль. Я хочу к своим солдатам.

Он повернулся ко мне. В его глазах стояли слезы, но он зло тер их кулаком.

— Мы с тобой одной крови, кузина. Мы немцы. Давай договоримся: мы потерпим. Год, два. А потом, когда я стану Императором... мы уедем. Мы всё бросим к чертям и уедем в Гольштейн. Пусть они сами грызут друг друга в своих снегах. Ты согласна?

Он смотрел на меня с надеждой. Он предлагал мне союз. Союз двух жертв, мечтающих о побеге.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня что-то твердеет, превращаясь в камень. Он был слаб. Он был жалок. Он презирал силу, которая была дана ему в руки. Корона Российской Империи, о которой мечтали короли Европы, была для него лишь тяжелой шапкой, от которой он хотел избавиться.

Я поняла тогда: он обречен. Человек, который ненавидит

народ, которым правит, — мертвец. Вопрос лишь в том, когда его похоронят.

— Ваше Высочество, — сказала я тихо, но твёрдо. — Я благодарна за доверие. Но боюсь, вы ошибаетесь.

— В чём? — он нахмурился.

— Я не хочу в Гольштейн.

— Что? — он уставился на меня, как на сумасшедшую. — Ты хочешь остаться... здесь? В этом ледяном аду?

Я подошла к нему. Я была одного с ним роста, но в тот момент чувствовала себя на голову выше.

— Это не ад, Петер, — сказала я, впервые назвав его по имени. — Это Империя. И она будет моей. То есть... нашей, конечно.

Он отшатнулся, словно я его ударила. В его глазах мелькнул страх. Он увидел во мне не сообщницу, а что-то иное. Что-то, чего он не понимал и потому боялся.

— Ты такая же, как они, — прошептал он с отвращением. — Ты притворяешься.

— Мы все притворяемся, кузен. Просто некоторые делают это лучше других.

Он выбежал из комнаты, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка. Матушка, всё это время сидевшая бледная как полотно, поднялась с кресла.

— Ты с ума сошла! — прошипела она. — Ты отвергла его! Он наследник!

— Он — труп, татап, — спокойно ответила я, чувствуя,

как у меня начинают дрожать колени — не от страха, а от дикого напряжения. — Просто он еще не знает об этом.

Вечером у меня поднялся жар. Горло горело огнем, каждый вдох давался с болью, словно в грудь вонзали иглы. Русская зима всё-таки добралась до меня. Или это был яд разочарования?

Я упала на подушки, чувствуя, как комната начинает вращаться.

«Я не умру, — стучало в висках. — Я не доставлю им такой радости. Я выживу. И я стану русской. Назло ему. Назло им всем».

Тьма накрыла меня. Начиналась моя главная битва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.